

Степан Михайлович Климов.

В 16-летнем возрасте был выслан из Риги в Каргасокский район. Проживал в Староюгино, затем до 1956 года в Каргаске. В настоящее время живёт в Эстонии, в г. Тарту. Пишет рассказы-воспоминания периода репрессий - о нашем крае.

(г. Тарту)

Был бы лес, а леший найдётся

Так! Длинный путь в ссылку, длившийся более месяца, наконец, завершён. Теперь, пробуждаясь по утрам, разглядываю отставшие чешуйки известковой побелки на потолке, ещё не освоившись с новыми обстоятельствами, в которых нахожусь. Потом приходит яркое осознание: я в закутке полуразвалившейся избёнки на берегу реки Васюган. Я в Сибири, где вместе с матерью обречены жить двадцать лет!

За дощатой перегородкой, в несколько большей каморке, живёт счетоводка колхоза со своей ворчливой свекровью и сынишкой. Она так и не знает, может ли себя считать замужней или вдовой: от арестованного мужа годами нет никаких известий. Сынишка с самого утра тянет однотонную нескончаемую песню:

*Синее море, красный пароход,
Сядем, поедем на Дальний Восток!*

Ему очень хочется туда ехать, но он знает лишь одну строчку песни, которую в упоении повторяет сотни раз, и это уже становится для других наказанием... С соседкой у нас общие сени и общая уличная входная дверь. У счетоводки ещё спасающая от вторжений закрывающаяся дверь каморки. Наш вход просто завешен простынёй. В посёлке нет развлечений, поэтому мы предмет живого интереса: мы чужие, мы те буржуи, о которых в местной начальной школе учат стишки Маяковского :

*«Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!»*

Такие, как мы, тут невиданны так же, как ананасы! Потому люд к нам приходит в своей деревенской наивности подивиться на чужеродных приезжих. Отодвинув нашу простыню как занавес сцены, они, переминаясь с ноги на ногу, в немом внимании нас созерцают. Через время у моей матери лопается терпение и она выпроваживает гостей, но вскоре они появляются снова...

Самое значимое в сибирской избе - это русская печь. В Васюганье камней нет, и тут её делают глинобитной, одним большим глиняным целым. Такая печь обыкновенно получается около двух метров в длину, полтора метра в высоту и столько же в ширину, стоя на подпечье, занимая значительную площадь избы. Топка её - это горизонтальный зев, вмещающий уйму дров. При горении дым уходит в зонт трубы над устьем печи, напоминая камин. Только русская печь гораздо мощнее в смысле теплоотдачи, она сохраняет жар всем своим большим телом продолжительное время. Но печь русская прожорлива и требует много дров, что не доставляет затруднения в таёжном месте, тем более, что её зимой топят сырыми берёзовыми дровами, которые с мороза не оттаяв,

горят преотлично. Одно сложно: выпросить в колхозе лошадь в лес съездить, но это в нашем случае уже забота нашей хозяйки.

Всем хороша русская печь: при свете её зимними тёмными утрами управляются с домашними работами, варят еду на весь день, и печь потом её хранит тёплой целые сутки лучше всякого термоса. В ней, под слоем пепла в правом углу пода, следующим утром снова найдутся тлеющие угли на розжиг, а если неможется, то на её тёплой спине отлёживается от костолома и другой хвори болеющий.

Всё познаётся в сравнении. Вот теперь я знаю, что такое настоящая бедность: в нашей крошечной каморке с полуслепым окошком и щелястым полом нет почти ничего: даже нары сооружены из выпрошенных с большим трудом взаймы грубых горбылей. Досок нет, доски тут пилят вручную из закреплённого на высоких козлах бревна, где один пильщик на его верху наставляет, а другой, стоящий внизу, тянет на себя огромную пилу. Они не успевают угнаться за спросом деревни. А гвозди? Если раньше не всякий из нас нагибался в своём родном городе за лежащим на земле гвоздём, то тут найти такой было бы большой ценной удачей. Я сооружал наши жалкие нары, пользуясь деревянными нагелями. В сравнении с нами наши соседи за перегородкой богачи! Символом их зажиточности служит велосипед, повешенный на стенке над кроватью, правда ездить на нём нельзя из-за проколотой задней шины, но тут это значения не имеет. Символ остаётся символом! На противоположной стене застеклённая рамка с выцветшими семейными фотографиями хозяйки: она с мужем в застывших позах, ещё несколько карточек родных или знакомых. Под ними - некрашенный стол, между двумя окошками - сундук, хранитель добра. Над ним пожелтевшее, криво отражающее зеркало. Рядом ходики 3-го часового завода с привешенным к их гире негодным амбарным замком, без которого часы уже не ходят

и не показывают приблизительно конторское местное колхозное время. Деревянная кровать, крашенная голубой краской, на ней набитый сеном тюфяк, покрытый лоскутным покрывалом. В изголовье горка ситцевых, в мелкий красный узор, подушек. И печь. Около печи ухват, кочерга, хлебная деревянная лопата. На шестке печи несколько чугунков, чайник, жестяные кружки. На печи валенки, шубёнка свекрови, под печкой сковородки и в них тарелки. Перед печкой открывающаяся крышка подполья, где хранится запас картофеля. В углу параша, и над ней рукомойник в виде бочонка с трубочкой, через которую течёт струйка воды, если его наклонить. Ещё в сенцах на трёх ножках квашня и кадка для воды. Там же на стене вёдра и коромысло. Воду в кадку ношу каждое утро с Васюгана для хозяйки и для своих нужд. У них ещё в холодных сенцах бочка с ослизлым остатком квашеной капусты, а в стайке корова. Каждое утро всем дрова колю я: с хозяевами надо жить в ладах, ведь печкой распоряжаются они, и в их чугунке мы варим своё варево...

Со временем и мы обзаведёмся своим котелком, кружкой, тарелкой, ножом и сковородкой. А главное - у нас будет свой топор, без которого таёжному жителю никак не обойтись. Конечно, настоящего, которым перерубается гвоздь, не оставляя на лезвии выщерблинки, у нас будет позднее, когда, оставив надежду на скорое возвращение, мы с мамой осибиримся, а пока, по субботам, принимаем участие в всеобщем аврале уборки жилища, выскабливая до белой древесины ножом столы и полы, выметая сор из передних сеней веником.

Старому, обтрепаншемуся венику присуща магическая сила, если на него подействовать наговором. Старый, отслуживший веник здесь обязательно сжигается, чтобы не стать орудием зла в руках недругов. Так верят все в нашей деревне, будь то у спецов или на её остяцком конце.

Раз в самые лютые морозы у одних иссяк запас воскресных дров, и, не желая в стужу ехать в лес за новыми, они для растопки печи стали потихоньку таскать сухие поленья у соседа. Однако тот кражи заметил, и начинив одно полено порохом, сунул сию бомбу в свою поленицу. Задумка удалась: в следующее утро печка воров взорвалась, однако на то жаловаться им было, разумеется, невозможно.

Но бабы, оставшиеся без печки, без мщения обойтись не могли - однажды утром жена обкраденного владельца сухих дров в сенцах нашла старый обтрёпанный веник и застыла от ужаса: наверняка веник был с колдовским наговором, и им на её семью было тем пущена ужасная кила! Веник никоим образом трогать нельзя было, и даже подходить к нему близко! Это грозило несчастьем, вплоть до смерти! Хозяйка в слезах бросилась в избу оповещать о страшном проклятии. Вся семья тотчас пришла в великое возбуждение, обсуждая приключившееся. Ясно, что через двери выйти за помощью нельзя было. Но нужной силой против килы обладала только старая остячка Макрина, жившая на задках Югинского дома, всеми признанная знахарка и колдунья. Ничего не оставалось, как, несмотря на зиму, выставить оконную раму и отправить гонца к Макрине, вместе с туюском молока, куском масла и остатком вчерашнего пирога, известив в добавок, что после удачного удаления веника её ещё ждёт брага в хозяйском лагушке.

Макрина, старушка с морщинистым лицом, подобном печёному яблоку, с угорским узким разрезом глаз, выслушала пришедшую внимательно и с сочувствием. Однако она сожалела, что сейчас не в силах бороться с духами: ей неможется и не в чем даже выйти в такую стынь на двор, ведь её обутики совсем развалились, а до хозяйкиного дома ох, как далеко.

Надо сказать, что, кроме Макрины, из великовозрастных в посёлке был ещё только один угрюмый старик Югин, потомок владельцев окрестных природных угодий, считавшийся бессмертным потому, что все его помнили всегда таким же древним, обросшим белыми волосами, неизменно охотившимся со своей древней фузеей фитильного запала, упирившим её перед выстрелом в развилку своего посоха для удобного прицеливания. Несомненно, он тоже обладал колдовской силой, но подступиться к нему из-за его недружелюбия ко всем пришельцам, губящих установленное его богами, считающий, что вопреки усилиям власти тут прежде было больше, чем есть, - было трудно и даже порой невозможное. Своих же Муфасаилок на спецовском конце не было - все они померли, не выдюжив трудностей переселения. Ничего не оставалось, как подарить свои подшитые пимы и взамен надеть Макринины опорки, чтобы вместе с колдуньей, захватившей мешок, поспешить к себе домой на выручку осаждённых страшной пагубой.

Дежурсацию, прибыв на место несчастья, Макрина начала, приняв через окно кружку браги, которая оказала на Макрину благостное влияние: она, сияя взором, что-то быстро начала нащёптывать по-остяцки, обошла избу и стала осторожно подкрадываться к закилованному венуку, чтобы затем молниеносным движением ноги оттолкнуть его с порога. Видно было, что такое израсходовало много астральных сил, и Макрина потребовала ещё кружку бражки для восстановления своего магического влияния. Немного отдышавшись, Макрина снова осторожно стала приближаться к киле с намерением её схватить, но все наблюдавшие были очевидцами того, что когда Макрина почти уже схватила заклятое, оно отпрыгнуло, словно отброшенное невидимой силой! Макрине пришлось несколько раз повторить свой манёвр, прежде

чем ей удалось проклятый веник поймать, упрятать в мешок, туго его перевязать и потоптать его содержимое.

На радостях Макрину угостили ещё и третьей кружкой браги, и она, одарённая сверх уговора, довольная, в тёплых пимах, отправилась в свою развалюшку на краю Остяцкого конца.

Как прекрасно, что среди людей живут добрые услужливые ведьмы! Хорошо людям, хорошо ведьмам!

Но у нас с матерью никаких магических знаний не было, и надо было существовать без опоры на потусторонние силы...

Весь Югинская. Полонь памяти.

Не могу быть уверенным в достоверности того, что повествую о посёлке Старо-Югино, в котором прожито более двух моих сибирских лет. Наука говорит про постоянное обновление нашего тела отмиранием старых и рождением новых клеток. Вероятно, то же происходит с мозгом и насколько достоверным тогда остаётся воспринятое юношеской памятью у человека, постаревшего за 80 лет? Пусть это определит сам читатель, побывав в Старо-Югино и поспрашивав его долгожителей о давнем.

В середине июля 1941-го года баржа с человеческим грузом причалила к берегу Васюгана. Стоял ещё паводок. Невысокая ступень подмытой рекой суши могла служить геологическим срезом местной почвы, обнажая слой дёрна, затем полоску гумуса, а ниже - сплошь желтоватую глину без единого камушка.

Любопытствующие поселяне вышли к реке поглядеть на «новеньких», для новеньких же, «новому контингенту» из Балтики, всё здешнее смотрелось чужим, тревожным, вызывающим не любопытство, а опасение... Какой же была Старо-Югинская земля того давнего года - узрим, мысленно над ней поднявшись птицей.

Первым заметим белый номер, выведенный на крыше артельной конторы. Он необходим изредка пролетающим самолётникам У-2, чтобы не потеряться среди необозримой тайги и бесчисленных топей. Вторым мы отметим узкую гривку между рекой Васюган и болотом, поросшим кривульником, вдоль которой идёт улица с деревенскими избами и хозяйственными постройками по её сторонам. Собственно тут не одна деревня, а две: небольшая, но самая старая - Остяцкий Конец, где главенствует ещё прочный двухэтажный крестовый дом бывших владельцев этих мест Югиных; другая, более населённая, основалась высаженной тут на берег частью сосланного в Васюганье зажиточного сибирского крестьянства, «спецами», в лихолетие большевистской насильственной коллективизации. Комендатура прикрепила их к тут созданной промысловой артели имени Менжинского (чекиста недоброй памяти) Лесхимпромсоюза Каргасокского куста. Третьим, поднявшись ещё выше, увидим поля отвоёванных у леса каторжной хребтоломной корчёвкой спецпереселенцев: Дальнее Поле, за которым стоит лес посёлка Недоступный, Ближнее Поле, соседствующее с посёлком, Поле Среднее, за деревней на большом бугре среди болота и Поле Новое, в тайге за Остяцким Концом.

Не раз мне приходилось в разные времена года, при всякой погоде искаживать здешние тропинки-дорожки и посему приглашаю совершить со мной пешую прогулку из конца в конец Старо-Югинских земель.

Начнём с Дальнего Поля, самого большого, при котором самое просторное гумно и где стоит такая особость, как Кульстан - избушка, построенная к очередной кампании по окультуриванию деревенского быта, предназначенная для коллективного принятия обеденной пищи. Правда, этой станцией никто не пользовался, разве только в день открытия в ней прочёл лекцию о международном положении наезжий партийный агитатор из района. Но

нам она замечательна тем, что отсель, с выси материка, открывается просторный вид через пойменные луга на противоположный берег Васюгана, где виднеется посёлок Ново-Югино. Почему начальству Сиблага пришла фантазия повторить имя Югина в названии этого населённого пункта, в котором находятся отделение комендатуры, сельсовет, школа, контора лессплава, молочный завод и колхоз, непонятно.

Но, не раздумывая над этим фактом, двинемся в Старо-Югино просёлком от Дальнего Поля, вдоль высокого материкового берега, через маленький перелесок до Ближнего Поля. Деревня начинается воротами поскотины, дорога наша тут имеет отростком тропинку к избе Лапковых, а за ними к Путинцевым. Дальше нет печальное место вечного упокоения, не отмеченное ни единым крестом, оплакиваемое лишь одинокой большой берёзой.

Продолжая свой путь, спустимся по мостику, пересекающего овражек, прорытый сбегавшей в реку водой болота, к просторному скотному двору. Здесь стоят коровник, домик с единственным в посёлке сепаратором ручного привода да птичник с тощими курами, мучимыми куриными вшами.

Овражек расширяется у скотного двора, впадая в реку нешироким заливом, «гаванью» артельного флота: большого неводника на шесть гребей, нескольких лодок и обласков. Поблизости находится главное производственное помещение артели - приземистое просторное строение бондарной мастерской.

За бондаркой прибрежной участок отношения к артели им. Менжинского не имеет, принадлежа к засольному пункту Каргасковского рыбного завода.

От засольного до главной улицы деревни ведёт переулочек, на который мы с читателем и свернём. Однако, чтобы не запутаться, остановимся и оглядимся: рыбпункт у нас сейчас за спиной, впереди главная улица, а слева мы видим деревянные амбары хра-

нения посевного зерна, муки из Каргаска и добра, подходящего держать под замком. Здесь же стоит кузница с земляной крышей, заросшей крапивой, около кузницы выставлена малочисленная нехитрая артельная техника. Всё это огорожено единой оградой и может быть окинуто одним быстрым взглядом...

Перед нами теперь ладный дом Беспаловых, выходящий торцом на главную улицу деревни. Она и впрямь главная: широкая, просторная, зеленеющая травкой и кажется такой длинной, что её Остяцкий Конец, частично заслонённый бугром, не рассмотреть с нашего места. Направо от нас улица по обеим сторонам занята строем изб и подворными огородами. В её продолжении по болоту проложена дорога в то самое Среднее Поле, которое нам уже знакомо по птичьему полёту - зимой жители туда едут за дровами в тамошний березняк.

Обратившись снова к улице в другом направлении, мы увидим, что сплошная застройка вдоль неё тянется только до школы, а сторона речная отгорожена жердяными пряслами от склада, затем на некотором отдалении стоит клуб на пустыре, потом только соседствуют избы Иониных, Карчугановых и Кузминых. Возле последних спецовский конец кончается.

Однако в своём изложении я забежал несколько вперёд: осмотр деревни в направлении Остяцкого Конца следует продолжать с избы Беспаловых, дабы не терять последовательности, и тогда мы минуем канатный станок - большое колесо, приводящее ремнём во вращение ряд маленьких колёсиков с металлическими осями, на своих концах загнутых крючком. К этим крючкам привязываются льняные пряди для сучения в бичеву или канат, смотря по их свиваемому числу, которое должно быть нечётным. Без вервья в крестьянстве не обойтись. Здешняя же упряжь вся верёвочная, и само «канатное производство» потому рядом с конным двором. Конный двор обширен и доходит до Заднего Болота.

На конном дворе находятся конюшня, овчарня, стоят телеги на деревянном ходу, а в его глубине складывают сено. Ежедневно на конный сходится крестьянский люд, ибо тут бригадир каждому даёт разнарядку на предстоящий день, получив которую, возчики снимают со своих телег колёса и мажут мазилкой из деревянной дегтярной бадейки деревянные оси телеги, кладут в неё нужную упряжь, выводят и впрягают назначенную конюхом захудалую лошаде́нку, которая даже своего имени не имеет. В самом низком звании тут быки, они ходят под ярмом, символом рабства. Тягла артели не хватает. Ремонтёры Красной конницы уже в начале войны всех стоящих лошадей позабিরали. Остался только выездной мерин председателя, и то потому, что вопреки его бравому виду (его иногда овсом подкармливают), он – скрытый инвалид. Командует конным двором конюх Сенов – важная персона: ведь у него лошаде́нку по дрова или по сено выпрашивают.

За конным двором возвышается на подклети контора. К ней поднимаются по уличным ступеням на площадку перед дверью. Таким строительным приёмом подчёркнуто значение этого вместилища артельной власти, с высоты паперти которой слово председателя её звучит непререкаемым колоколом:

- Коровин сказал: ВСЁ!!!

Напротив конторы клуб. У конторы спортивное сооружение из врытых в землю двух столбов, соединённых в верхах перекладиной; с перекладины свисают два обрывка верёвок от утерянной гимнастической трапеции. Всё это забытая физкультурная кампанейщина.

Недалеко по улице радуется новопостроенная школа-четырёхлетка, имеющая одну общую классную комнату. При школе квартира учительницы, обучающей местных ребятшек началам наук. Учительница – единственный в посёлке человек, имеющий среднее образование. Продолжить потом своё учение

ребятишки могут в Ново-Югинской семилетке, где для части учащихся интернат, другим же быть там жильцами у знакомых. Оказией родители им посылают снедь, но иногда учащимся самим приходится за ней отправляться домой. Пути эти, совершаемые в зимние морозы и бураны, в памяти учеников остаются на всю жизнь...

Регулярно в почтовые дни зимой в Ново-Югино шагает артельный почтарь. Почтовая прогонная дорога идёт правобережьем реки, минуя Старо-Югино. Через этого почтаря родители имеют связь со своими детьми, учащимися в семилетке. Спасибо ему!

За школой, пройдя под сколоченной из досок аркой, мы окажемся на Остяцком Конце. Вспомним о бугорке, который прошли потому, что тут гривка стала немножко шире, отодвинув болото, дав место Задкам, на которых поселилось несколько семейств.

Остяцкий Конец начинается избой Скворцовых, держащих полное приусадебное хозяйство, хотя охотничьим и рыболовным промыслом они тоже занимаются. Заселение Остяцкого Конца не так тесно, как спецовского. Около берега небольшой пустырь с захоронением, заросшим лебедой, отмеченным побурелым деревянным обелиском и скривившейся оградкой вокруг. Тут упокоен революционер забытого мной имени, о памяти которого, судя по могилке, никто не заботится. Дальше важное учреждение: лавка СЕЛЬПО с пекарней. Лавка продаёт хлеб по списку. Такое в Старо-Югино потому, что в посёлке этом промартель и охотническо-рыболовецкий колхоз свободных националов. В обыкновенных спецпереселенческих колхозах, насколько знаю, хлеб не продают. Ещё на этом конце живёт бакенщик Госпароходства, самый неподначальный местной власти человек. К открытию навигации он на своём участке реки выставляет бакены, ночью в них зажигает фонари, отмечая фарватер; зимой нанимает

рабочих, организует заготовку дров для пароходов. Эта заготовка не только оплачивается деньгами, но и отоваривается по военному времени отменно: мукой, крупой, сахаром. Кроме того, дело понятное, у бакенщика имеется и запас керосина. Личность его мне кажется загадочной. Человек он из вольных, бывалый, видевший не только одну Сибирь, умный и достаточно образованный, чтобы занимать более значительную должность, но вот почему-то прикипел здесь. Впрочем, он обжился тут отлично: похаживает на охоту, рыбачит для своего стола, словом, живёт лучше всех!

Как замечалось раньше, главенствует своей основательностью в Остяцком Конце дом Югиных с обширными, уже начинающими разлезаться подворными постройками. Стоит он на высоком берегу, над старицей у самой тайги, и смотрит фасадными окнами на простор распахнутых пожней, на луку Васюгана и на тёмный очерк лесов противоположного далёкого пойменного берега. Место красивое и было ещё красивей до того, как вырублены кедровые гряды под поселение спецпереселенцев.

Горд таким домом был тот Югин, который возвёл для себя эти хоромы. Как пережили Югины установление советской власти, мне неизвестно. Я о том не слышал, ибо про былые местные жители говорить опасаются. Временами в деревне появляется комендант, человек чахоточной внешности, никогда не надевающий в селении свою синюю форменную фуражку НКВД. Он заходит в хаты, добродушно беседует с домашними, но своё дознает. В деревне потому не исчезает настороженность, и в избах утешающую иконку на виду не держат... Однако истины продолжают существовать скрытно, в том числе и во взаимоотношениях жителей обоих концов деревни. Вообще же выраженную неприязнь между живущими здесь этносами я не замечаю, но и особого общения между ними нет. В гости друг к другу не ходят. Комендантура отравила всех своей подозрительностью.

Последние месяцы нашего пребывания в посёлке мы с матерью местожительствовали в доме Югиных. Там в комнатах сохранились ещё остатки резной золочёной мебели и удивляли огромные глинобитные, истинно сибирские русские печи с затеями, и можно было себе по этим изжиткам представить совсем не похожую на теперешнюю, ту давнюю явь, которой жили богатые Югины прошлого...

Однажды, любопытствуя, в тайге около этого жилища я набрёл на томбок с его воротцами и направляющими оградками, - хитроумную ловушку на тетерева. Такое я видел впервые и при одной встрече рассказал о ней бакенщику. Тот отнёсся к этому случаю очень серьёзно, строго предупредив, чтобы я в те остяцкие ловчие места больше не ходил. Такое посещение могло иметь неправильное истолкование и плачевные последствия для меня.

Однако нам надо, в завершение нашего путешествия по землям артели, ещё побывать на Новом Поле. Это небольшое поле вторглось в тайгу, стеснив собой в ней ближнюю охоту. К полю по корням ведёт подобие тележника до свежей рощицы в лесу, по краям здесь ещё громоздятся корневища пней. Кроме посева мы больше тут ничего не увидим, и можем считать наше ознакомление с артельными землями окончанным.

Но остаётся жизнь в посёлке. Она совершается каждый день. Для каждого жителя она имеет свои заботы и тяготы при малых радостях. У артельщика это трудовая повинность, которая хуже барщины. Работа в артели препятствует ведению личного хозяйства, единственно питающего спецпереселенца.

Работа на артель оценивается в трудоднях, но артельный трудодень, в отличие от колхозного, всё-таки оплачивается не натурой, а рублём. Учитывая труд артельщиков, по рабочим местам носится бригадир со своим потрёпанным планшетом и перекинутой через плечо мерной разножкой, замеряя и записывая, кто

сколько сделал, сдавая потом свои отметки в контору счетоводу. По рангу своему артель бухгалтера не имеет. Перебелённые учётные сведения контора потом шлёт в бухгалтерию Каргасокского Лесхимпромсоюза, выплачивающей после окончания отчётного года заработанное, исключая из всего вычеты. За год редкий артельщик получит больше 2000 рублей. Но не следует думать, что все эти деньги придутся ему на руки... С него возьмут за артельные услуги: за вспашку огорода, за привоз сена и дров артельным тяглом, за полученное из артельного склада, отсчитают деньги, выданные авансом на покупку выписанного в лавке хлеба, потом ему надо будет заплатить налог по самообложению, добровольно подписаться на государственный заем... и ещё за что-то... в итоге деньгами он получит самую малость. Те же, у которых трудодней не будет достаточно, – окажутся ещё и в долгах перед артелью. Выход у них остаётся один: на базаре в Каргаске продать выращенное в своём хозяйстве. Полное разрешённое личное хозяйство это: иметь корову с телёнком, овцу, хрюшку, куриц; однако со всей живности полагается обязательная значительная госпоставка (молоком, маслом, мясом, кожей, шерстью), из-за чего самим остаётся немного, и каждодневный харч продолжает быть мясопустным с упором на картошку и капусту. Кроме того, не каждой семье посильно держать полное хозяйство: для того в ней мужик должен быть семижилным и хозяйка ему под стать, или рослые дети подмогой, или когда хозяин на особом положении, состоя в членах правления. Те, которые при таком состоянии, уже срубили себе новые избы взамен наскоро построенных халуп первых лет поселения. Но большинство спецов живут на грани бедности, не имея сил подняться. Сущей бедой многих оборачивается недочёт планового поголовья в артельном стаде. Тогда у артельщиков изымают молодняк для пополнения артельного поголовья по «кон-

трактации», по закупочному контракту, то есть - за смехотворную цену.

Существует мнение, что местная земля не родит. Что ведение сельского хозяйства тут невозможно. Это ошибочно: хорошо унавоженная она плодородна. Если было бы не так, ни одному ссыльному тут нельзя было бы выжить! Причина беды - не здешняя земля, а подмена народной общинной власти партийным командованием, заморочившим смысл артельного хозяйствования.

Артель Менжинского перегружена обязательствами: она гонит пихтовое масло, отряжает рабочих на длительные лесозаготовки или лесопогрузки, на стройку дороги, она занимается возделыванием картофеля, севом злаков, держит скот и ведёт молочное хозяйство, не имея поблизости достаточных покосов. К сенокосу косари грузят лошадь и конные грабли на неводник, да плывут за Вертикос, на луга Обского правобережья ставить сено... Артель делает бочки, имея превосходных бочаров, без уважения к своим мастерам. Если будет указание, их пошлют на любую другую, не требующую умения работу.

Мешок да бочка были исконной тарой на Руси и таковой остались при Сталине. Бочек требуется много: сухотарных и наливных. Я удивлялся тому, как ловко в бондарной мастерской работают умельцы, руководствуясь только глазомером. Каждый мастер делает свою бочку от начала до конца и всё-таки все бочки, сработанные артелью, ходят друг на друга как изготовленные по единому стандарту. Деревянная бочка, известно, готовится из деревянных дощечек, но здесь у них не пиленная, а колотая клёпка; её заготавливают зимой, руша в тайге столетние кедры, распиливая их прямослойную часть ствола на чурбаны, бросая вершинник без всякого употребления гнить в лесу. Колют клёпку, наставляя на торец чурбака топор и по его обуху ударяя колотушкой, - так прямослойная древесина на морозе легко, чисто и звонко рассека-

ется на дощечки. Артельная бочка особая, без железных обручей, однако такой прочности, что годится под засыпку или, при более тщательной поделке, к засолке рыбы. Обручи для бочек делают из побегов тальника, расщепляя их на половинки и, обработав, вырезая в концах хитрый замочный зацеп. Нужный для обручей тальник по Васюгану не растёт и за ним в неводнике, в многодневный поиск, отправляются на Обь.

Артель беспокоят бесчисленные, постоянно наезжающие из района уполномоченные и особоуполномоченные: по пахоте, по подготовке к севу, по заготовке сена, по уборке зерновых, по обмолоту, по сдаче зерна, по проверке культмассовой работы, по закупке ягод, по заготовке дубсырья, по изготовлению лыж и ружьбланки и ещё всякого такого, чем можно обобрать беззащитного невольного артельщика. Весной и летом такие уполномоченные задерживаются дольше, живут обыкновенно в отдельной комнатке у Путинцевых, содержащих свой дом в старовойсковской чистоте, бродят по лугам, подстреливая утку, и следят, чтобы крестьянство работало в страду как положено: от зари до зари.

Те, которые видели шедевр советского агиткино «Трактористы», помнят там показательный, не существовавший в действительности, сказочно механизированный, весёлый сельский лад, созданный режиссёрским воображением. Посмотрим, какой техникой располагает артель им. Менжинского, для чего возвратимся на двор склада, где около кузницы вся её сельская механизация расставлена на виду: конная косилка, двое конных граблей, молотильный барабан вместе с конным приводом к нему, да косилка-лобогрейка, которой не пользуются потому, что она мотомилом зерно из колоса вышибает. Жнут бабы серпами в перегиб до боли в пояснице и на эту работу их стоняют всех, не различая возраста. Ещё из механизмов в самом складе, где готовится посевной фонд, имеются триер и веялка. Пытаются эту технику содержать дей-

ствующей кузнец Ионин, сутулый, иссохший и прокопчённый, укорачивающий свой век курением крепчайшего самосада из медной трубочки с деревянным мундштуком. Если взглянуть на инструмент, которым он пользуется в кузнице, то даже человек, далёкий от кузнечного ремесла, только по виду вещей, признал бы их совершенную непригодность к чему-либо.

Прочтя всё предыдущее, невольно можно сделать весьма скорбное заключение о Старо-Югино, этим впад в ошибку. В отличие от многих других посёлков по Васюгану Старо-Югино живёт будущим! Будущим превращением в рабочий посёлок! Вести о таком из Новосибирска слышатся давно и неожиданно область, наконец, присылает чертежи лесопильного завода с приказом начать его строительство. Это вносит большие перемены. Коровин по своей малограмотности больше не может держаться одним подкаблучничеством перед начальством, и заменён Шестаковым, работавшим в Каргаске бухгалтером. Шестакову любая приезжая штафирка из района уже не указ, как Коровину, и от этого полегчало всем. Люди теперь работают на стройке и получают хлебный паёк. А шла война! Возведение завода подвигается, к чему тоже имею причастие: весь тёс крыши перестругал в паре с другими и проканавил канавочником. Весенней водой пришла пилорама в частях, но ржавая и покрытая грязью от долгого лежания по закоулкам пути. Естественно выходило её собирать нашему кузнецу. Ионин теперь каждодневно ходил около этого в кучу сваленного железа, пытаясь в нём разобраться. Получилось однажды мне тоже стоять при том в момент, когда Шестаков принялся налегать на Ионина, чтобы тот наконец начал сборку рамы, а кузнец наш лишь отвечал окольно. Видя меня внимательно разглядывающего разрозненный механизм, Шестаков в шутку спросил:

- Может быть, ты сумеешь собрать это? - и был удивлён моим дерзостным ответом:

- Смогу! Только вычистить всё прежде надо хорошенько!

- Редьку с десять! Вот специалист где нашёлся! - сердито возмутился Ионин - ты и лошадь-то как следует запрячь не способен, а тут тоже туда - машину сложить вообразил!

Действительно! Кузнец был свидетелем моего позора на конном... Я всё допрежь приглядывался к тому, как запрягается лошадь и был уверен это сделать, однако проглядел, что надевать хомут надо предварительно его перевернув. Когда на одной из первоначальных разрядок я сам взялся запрягать лошадь, не дожидаясь своего возчика, то оконфузился так, что из затеи получилась умора, сопровождавшаяся повальным хохотом всех зрителей. Представьте меня, тщетно палившего не лезший на голову испуганной лошади хомут, а та, храпя и кося непонимающим белым глазом, пятилась от меня по всему двору! И вдруг такой несмышлёныш берётся за такое, что и для него, кузнеца Ионина, предельно сложно! Но Шестаков не был Коровиным, тот в подобном случае меня бы и взглядом не удостоил.

- И вправду, всё это сначала вычистить надо! Так пусть малец этим и займётся! - сказал Шестаков оскорблённому таким решением кузнецу.

Чтобы быть кратким скажу: пилораму я собрал, войдя тем в историю строительства Старо-Югинского лесопильного завода. Сборка далась нетрудно, на Юрмале я был частым наблюдателем рамщика тамошнего завода у реки Лиелупе.

В завершение напомним Старо-Югинским краеведам, что сложенная из кирпича на цементном растворе стена, отделяющая на лесопильном заводе помещение локомотива от рамного цеха, является первой такой кирпичной стеной, возведённой в Каргасокском районе.

Стиль и орфография автора сохранены